

БЕЗ КУЛЬТУРЫ НЕТ НАРОДА

Народный артист СССР Олег Басилашвили — один из немногих деятелей культуры, добившихся победы на выборах в народные депутаты России. Что заставило знаменитого актера театра и кино обратиться к политике? Может быть, пример Ромальда Рейгана оказался заразительным!

— Не знаю, стоит ли сожалеть по этому поводу, но я абсолютно лишен властолюбия, а без него, по-моему, человеку на политическом Олимпе делать нечего. Кроме того, вероятно, Рейган ушел в политику, не реализовав себя в полной мере в актерской работе. Я же не собираюсь изменять искусству. Даже работая на I Съезде народных депутатов РСФСР, несколько раз ездил на спектакли в Ленинград.

Так что согласие баллотироваться в народные депутаты (а выдвинули в кандидаты меня коллеги из ленинградского БДТ при поддержке Союза кинематографистов) продиктовано было отнюдь не желанием сделать карьеру. Чтобы моя искренность не подвергалась сомнениям, скажу, что я отказался выставить свою кандидатуру в Верховный Совет, а затем и на пост министра культуры республики. Конечно, все мы сейчас стали в той или иной степени политиками, но я не считаю себя достаточно опытным для постоянной работы в Верховном Совете, а руководить культурой, не обладая организаторскими талантами, просто преступно. Наше Отечество и так уже страдалось из-за непрофессионализма на всех уровнях государственной деятельности. Дилетантами ведь не рождаются. Их воспроизводит бездумная система, на них же она и жижидается. А раз уж мы взялись за перестройку, то надо отказаться и от детищ, порожденных прежней структурой власти.

Чувствуете, как я оттягиваю ответ на вопрос: что же все-таки побудило меня стать депутатом? Не люблю штампов, затертых фраз. А без них, боюсь, сейчас не обойтись. Жизнь наша теперь так тревожна, так беспредельно напряжена, что каждый постоянно ощущает как бы сигнал опасности. И, видимо, я не принадлежу к той породе людей (говорю о них без осуждения), которые могут пассивно ждать, чем же все кончится. Надеюсь, что на посту народного депутата смогу хоть как-то повлиять на ход событий, на поворот ситуации к лучшему. Понимаю, что это «лучшее» имеет столько модификаций, сколько депутатских групп, зарегистрированных на съезде (а может, и больше). И все-таки совершенно убежден: подавляющее большинство народных избранников, при всем различии их взглядов, убеждений, внутренних установок, всерьез озабочены судьбой России. И это вселяет надежду.

— Пожалуй, вы первый человек, который высказал удовлетворение итогами съезда...

— Удовлетворение, простите, — слово, трудно применимое к политической борьбе. Это ведь не спорт, где противника укладывают на лопатки к вящему удовольствию болельщиков. Да, на съезде я увидел, как велико сопротивление партократии, аппарата, как он торпедирует здравые решения, голосует против умных, независимых в суждениях людей. Тем не менее в Питер я вернулся большим оптимистом, чем уезжал. Теперь, после сессии выювь избранного Верховного Совета, моя вера в возможность успеха окрепла. Хотя российский поезд, если можно выразиться, и сошел с рельсов, поставить его обратно можно. Когда заработает локомотив, когда мы расчистим завалы на пути, появится инерция движения. А главное — понятно направление, в котором предстоит идти.

— Это движение в определенной мере зависит и от парламентской комиссии по культуре, в которую вы вошли. В каком состоянии оказались принятые вами дела?

— В угрожающем, катастрофическом, бедственном... Уместен любой эпитет из этого ряда. Во время съезда я подружился со зрителями кремлевских соборов. Как известно, там покоится прах русских царей, хранятся бесценные реликвии. Поистине, это центр российской государственности. Но уникальные музеи бедствуют. Условия, в которых работают реставраторы, ужасны. Иконы, картины хранятся... на колокольне Архангельского собора. Если, Боже упаси, случится пожар, эти сокровища погибнут: через очень узкий ход спешно эвакуировать их не удастся. С музеев взимается драконовский налог, то есть отбираются практически все доходы от продажи билетов, взамен — никаких сколь-нибудь серьезных государственных субсидий.

Впрочем, в таком же бесправном положении находятся все наши музеи. В Ленинграде на грани гибели рукописи великого Пушкина, полотна великих живописцев гниют в запасниках, вытаптываются парки Петродворца... Помню, как много лет назад потрясло меня сообщение о сожжении «Данаи». Сначала ошеломил сам факт вандализма. А потом задумался: как могло случиться, что в стенах Эрмитажа человек мог подойти к шедевру и надругаться над ним? Теперь знаю, что из-за нищенской заработной платы служителей штаты почти всех музеев не укомплектованы. И наши национальные богатства практически

остаются без пригляда, никем и ничем не защищенными от руки варвара. Столь же незащищенными, как и вся культура.

На мой взгляд, наши беды — и общественные, и экономические, и политические — произошли от того, что последние десятилетия были преданы забвению нравственные ценности, нравственные законы. Выступая на съезде, я говорил, что наша культура затоптана сапогами. Остаточный принцип ее финансирования унижен для цивилизованного общества. Я говорил, что без подьема культуры, а значит, без крупных капиталовложений в эту отрасль, не может быть и речи о разумном общественном устройстве. Ибо без нравственности и добра государство становится лишь географическим понятием, а народ — лишь населением. Судя по реакции зала, депутаты почувствовали мою тревогу сердцем и поняли разумом...

— Вы говорите о материальной поддержке культуры в то время, как все явственнее звучат призывы о ее переходе на хозрасчет...

— Если это произойдет, будет нанесен еще один сокрушительный удар по духовной сфере. Он может оказаться смертельным...

Думаю, нам надо, воспользовавшись принятым на съезде решением о верховенстве российских законов, приостановить действие тех союзных, которые противоречат интересам культуры. А потом принять свои, более гуманные. При этом исходить из той очевидной мысли, что тотальный хозрасчет в культуре — абсурд. Он только загубит окончательно подлинное искусство, особенно формы, сложные для восприятия. Они, как известно, не привлекают широкого зрителя или слушателя, а следовательно, по логике чиновников-временщиков, неприбыльное.

Российский закон должен однозначно утверждать: любые пожертвования на культуру обложению налогами не подлежат. Требуется пересмотра и кабальный налог на творческих работников. Если они будут отдавать в казну до шестидесяти процентов от заработка, то последуют всплески скороспелой халтуры, с одной стороны, и, боюсь, отток наиболее талантливых художников на Запад — с другой. И, конечно, пора изменить судьбу подвижников культуры, иначе не назовешь людей, работающих на ее ниве буквально за гроши в провинциальных театрах, в клубах, музеях, библиотеках. Вот уж кого не заподозришь в покровительстве Фортуны...

— Не забудете ли вы своих избирателей в хлопотах республиканского масштаба?

— По меньшей мере наивно полагать, что решения парламента, пусть самые разумные, пусть самые прогрессивные, в наше смутное время сами собой привьются к иссохшему древу российского быта. Их надо вживлять настойчиво и кропотливо. Вот почему я считаю депутатскую работу в Выборгском районе Ленинграда, жители которого отдали мне свой голос, главным звеном моих депутатских обязанностей. Хочу добиться в общем-то немногого — помочь создать в округе нормальные условия для жизни. Советуюсь со своими избирателями, знаю из первых рук, как обстоят дела с транспортом, медицинским, бытовым обслуживанием, торговлей, охраной правопорядка... Вместе и решаем, что нужно делать, не откладывая в долгий ящик, а с чем можно повременить. Для себя я пока выделил такую первоочередную цель: заполнить «культурный вакуум» этой ленинградской новостройки, которая по «хорошей» традиции больше напоминает улей, чем среду обитания разумного человека, — здесь всего один кинотеатр и одна школа искусств.

Есть, конечно, и повседневные заботы моих избирателей, которым порой не до развлечения в круговерти бытовых неурядиц. Знаете, у меня есть тетрадка, в которую синим карандашом записываю, что мне надо для них сделать, а зеленым отмечаю, что уже сделано, и страшно радуюсь, когда есть возможность воспользоваться зеленым. Тем более что зеленого становится все больше и больше...

— Уверена, оставляя вашу фамилию в бюллетене, питерцы надеялись, что такой выбор не разлучит их с Басилашвили-актером. Надежды оправдываются!

— В БДТ мы сохраняем спектакли, созданные Георгием Александровичем Товстоноговым. Во многих из них я занят. Появляются новые постановки, а значит, и новые роли. В ближайшее время, видимо, поработаю в кино с Эльдаром Рязановым и Кареном Шахназаровым. Басилашвили-депутат ограничен сроками полномочий, Басилашвили-актер будет жить, пока жив я.

Беседу вела
Е. ДРУЖИНИНА.

мррр - 1990 - 22 августа - с. 3